

Yu. G. Vinogradov

The author compiled and analyzed a catalogue of 6 dated Bosporan inscriptions of the Vth c. A.D. The key document among them is the building inscription CIRB 67 mentioning king Douptunus. Extensive literature dates this document either to the IVth or the VIth c. since the figure denoting years has been damaged. The file of 4 documents concerning the biography of one of the functionaries mentioned in the inscription – Sauagas proves that he served as *comes* from 478/9 to 491/2, and Douptunus's inscription the last line of which undoubtedly contained the date on an *indict* should be dated to October 483.

The recent discussion of the concept of continuity in the late ancient Bosphorus centered exclusively around material and spiritual culture, whereas there is every reason to spread it to the most important sphere, that of statehood. The system of parallel dating of official acts in accordance with the traditionally Bosporan and the Byzantine calendars should be regarded as a sign of considerable political influence of Byzantium on the state life of the Bosphorus, since the same phenomenon and at the same time was registered only in the provinces of the Empire. The most eloquent evidence of vassal dependence is the title of king Douptunus who remained as before «a friend of the Caesar and a friend of Romans». Another example is the filiation by the Bosporan state apparatus of a number of leading and low posts of Byzantium (*eparchus, comes, protocometes*). In the political sphere the Bosphorus of the period followed the line of Sauromates I who had copied some military and state posts from Roman practice.

At the same time there are no signs of the integration of the Bosphorus into the Empire: neither the Byzantine emperor, nor his legates appear even in the dating of act formulas of the acts. The state is governed by its own monarch having the *nomina* of the dynasty of Tiberii Julii, who traditionally reigned from the Ist to the IVth c., and their title only slightly changed in the spirit of Christian confession. Continuity of statehood can be observed in the dating of documents up to the late Vth c. in the era of Bosphorus as well as in the preservation of some traditional posts of the first centuries A.D. The Bosporan state continued its stable existence cemented by the firm power of the king and the extensive state apparatus expanding their prerogatives to state and private lands on both shores of the Cimmerian Bosphorus.

© 1998 г.

Н.А. Фролова

ПРОБЛЕМА КОНТИНУИТЕТА НА ПОЗДНЕАНТИЧНОМ БОСПОРЕ ПО НУМИЗМАТИЧЕСКИМ ДАННЫМ

В 1985–1986 гг. при раскопках Ильичевского городища (Таманский п-ов) в одном из помещений (XXII) были найдены вместе медный статер Фофорса 586 г. б.э. = 303 г. н.э., два статера Рескупорида VI 619 г. б.э. = 323 г. н.э. и два золотых солида Византии Юстина I и Юстиниана I¹.

Солид Юстина I (518–527 гг.): л.с.: DN. IVSTI. NVS PPAVG. Бюст императора в фас, в правой руке копьё, в левой щит. Точечный ободок. О.с. VICTORIA. AVGGGA. Крылатая Виктория стоит, повернув голову влево, и держит в правой руке длинный крест, слева звезда; внизу под чертой буквы – СОМОВ; точечный ободок. В = 4,46 г (рис. 1, I, см. вкл.). Д.М. Мегкалф относит эмиссии золотых монет с такой легендой к мастерской, расположенной в Фессалониках².

¹ Толстой И.И. Византийские монеты. Вып. III. СПб., 1913. С. 250. Табл. 17, № 103.

² Meicall D.M. The Minting of the Gold Coinage at Thessalonica in the Fifth and Sixth Centuries and the Gold Currency of Illyricum and Dalmatia // Numismatic Studies. N.Y., 1988. P. 65–66.

Рис. 1. 1 – Золотой солид Юстина I, найденный при исследовании античного поселения Ильичевка в 1985 г.; 2 – золотой солид Юстиниана, найденный совместно с солидом Юстина I при исследовании античного поселения Ильичевка в 1985 г.; 3 – клад боспорских медных монет (Рискупорида V, Фофорса, Радамсада, Рискупорида VI) и 5 солидов Юстиниана I из этого клада, найденные в Ильичевке при исследовании помещения в 1975 г.

Второй солид принадлежит чекану Юстиниана I (527–565 гг.). Л.с. DN. IVSTINI. ANVS. PP. AVG. Бюст Юстиниана. Голова повернута на три четверти вправо; в правой руке копы, конец которого виден слева за плечом, в левой руке щит. О.с.: VICTORI AAVGGII. Крылатая Виктория стоит в фас, держа в правой руке длинный крест, в левой – сферу с крестом на ее вершине; под ней звезда; внизу под чертой буквы – CONOB (рис. 1, 2)³. В = 4,39 г. Эмиссия этого типа золотых монет производилась в Константинополе в 538 г.

Таким образом, нумизматические данные свидетельствуют, что при Юстиниане I во владении Византии оказались оба берега Керченского пролива⁴. Это подтверждается эпиграфическими (надпись царя Дуптуна – CIRB, 67) и нумизматическими данными. Так, на территории европейского Боспора, в Керчи, были обнаружены золотые и медные монеты Юстиниана I⁵. Еще одна золотая монета Юстиниана I происходит с Керченского п-ова. Она была найдена в 1987 г. при археологических исследованиях городища Китей. Солид из Китея по типу идентичен публикуемому здесь под № 2⁶. Всего зафиксировано золотых монет Юстина I – 1 экз. (рис. 1, 1) и 9 солидов Юстиниана I (5 – из клада в Ильичевке, 1975 г. – рис. 1, 3; 1 – из раскопок 1985 г. Ильичевского городища – рис. 1, 2; 2 экз. – из Керчи – Кропоткин, № 203, 206 и 1 экз. – из раскопок Китея 1987 г.).

Обнаруженные при раскопках Ильичевского городища в 1975 и 1985 годах в археологических слоях медные монеты боспорских царей – Рескупорида V, Фофорса, Радамсадия, Рескупорида VI, обращавшиеся в течение более чем 300 лет вместе с золотыми монетами Юстина I и Юстиниана I, являют собой яркий пример единства и континуитета позднеантичной и раннесредневековой материальной культуры Боспора.

Идея континуитета позднеантичной и раннесредневековой культуры Боспора не нова. В 1906 г. этой идеи впервые коснулся Ю. Кулаковский⁷, после него В.В. Латышев⁸, В.Ф. Гайдукевич⁹, А.Л. Якобсон¹⁰, В.Д. Блаватский¹¹. Однако в настоящее время Н.Н. Болгов отмечает, что концепция континуитета в истории Боспора IV–VI вв. не получила дальнейшего развития¹².

Еще в 1906 г. Кулаковский указывал, что Боспор в течение V века населяли жители, сохранившие греческий язык, церковные связи с Византией, обычаи и традиции своего давнего прошлого. Так, открытая в 1890 г. христианская погребальная пещера

³ Wroth W. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. V. I. L., 1908. P. 26, № 6.

⁴ Фролова Н.А., Николаева Э.Я. Ильичевский клад 1975 г. // В.В. 1978. 39. С. 173–179. Рис. 2, 1–4 из них 1–4 – медные статеры царей Боспора; 5–9 – солиды Юстиниана I.

⁵ Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // Археология СССР. САИ. Е 4. М. 1962. Золотые – № 9, 223; медные – № 203, 206; он же. Новые находки византийских монет в Керчи // ВЕ 1971. 32. С. 218, № 2 – медь.

⁶ Молев Е.А. Монеты раскопок городища и некрополя Китея // Античный мир и археология. 7. Саратов 1990. С. 115. Рис. 2; Молев Е.А., Сазанов А.В. Позднеантичные материалы из раскопок Китея // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж–Белгород, 1991. С. 70. Рис. 2, 6; Болгов Н.Н. Некоторые проблемы историографии Боспора IV–VI вв. н.э. // Проблемы историографии всеобщей истории Петрозаводск, 1991. С. 37; Молев Е.А., Молева Н.В. Денежное обращение в Китее // Проблемы истории филологии, культуры. Ч. 1. Москва–Магнитогорск, 1996. С. 81. № 99.

⁷ Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. Киев, 1906. С. 54–56; он же. Керченская христианская катакомба: 491 г. // МАР. 1891. С. 21–23.

⁸ Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 122, 359–370.

⁹ Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 1952. 25. С. 108–125, 133; Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin–Amsterdam, 1971. S. 497f., 500–502, 519.

¹⁰ Якобсон А.Л. Крым в средние века. М., 1973. С. 171.

¹¹ Блаватский В.Д. Боспорское царство в позднеантичное время // Античная археология и история. М. 1985. С. 253–256.

¹² Болгов Н.Н. Боспор IV–V вв. и проблема позднеантичных государственных образований: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. С. 6; идея континуитета проходит лейтмотивом через всю его недавнюю вышедшую книгу «Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV–V вв.)» (Белгород, 1996. С. 9–11, 14, 43, 50–63, 117–119, 121).

имела точную, написанную на стене дату – 789 г. боспорской эры = 491 г. н.э. Согласно Кулаковскому, погребение было устроено точно так же, как это делали в I в. н.э., и такой тип склепа I в. н.э. был характерен вплоть до V в. н.э. и был туземным, поскольку устройством погребальных пещер требовало «помимо знакомства с качеством и толщиной слоев почвы в данной местности, выработки довольно сложных технических приспособлений».

Палеографический анализ надписи свидетельствует о непрерывности культурной жизни на Боспоре до конца V в. н.э.¹³, так как буквы этой надписи имеют начертания, образцы которых можно найти в боспорских надписях III–IV вв. н.э. Следовательно, летосчисление по боспорской эре, которым стали пользоваться на Боспоре со времени Митридата VI в конце II в. до н.э., соблюдение традиций при строительстве христианских склепов, несмотря на распространение пришедшего на смену античной религии христианства, следование традициям при исполнении погребального обряда, – все это элементы континуитета, четко проявляющиеся в истории Боспора при переходе его от позднеантичного периода к раннему средневековью.

Эти данные дали возможность Кулаковскому утверждать, что «прекращение династии боспорских царей в первой половине IV века было лишь прекращением царства в его старых пределах, но не сопровождалось разрушением города и искоренением старого его населения», а город Пантикапей пережил разрушение царства и не подвергся разгрому от гуннов¹⁴. Кулаковский, датируя надписи с именем царя Тиберия Юлия Дуптуна временем Юстина I, имел право полагать, что на Боспоре была восстановлена фактически, а может быть фиктивно, старая династия¹⁵.

Не будем подробно останавливаться на датировке надписи Дуптуна, так как она детально разбирается в статье Ю.Г. Виноградова, помещенной в этом же номере ВДИ.

Как полагал Амброз, Боспор был захвачен гуннами вскоре после их вторжения в Европу и оставался гуннским до начала VI в. При императоре Юстине I он был, согласно свидетельству Прокопия Кесарийского, возвращен византийцам. К этому же времени относится надпись царя Дуптуна с упоминанием чиновников византийской администрации Боспора¹⁶. Блаватским было отмечено, что древние авторы, эпиграфика и нумизматика слабо освещают историю Боспорского государства в период между III и VI веками; археологические данные в какой-то мере их дополняют, но только комплексное использование всех источников может восстановить историю позднеантичного Боспора¹⁷. Это определение полностью согласуется с общей идеей античного континуитета в новых образованиях средневековья, которая может быть доказана и обоснована только результатами комплексных исследований, опирающихся на археологические данные¹⁸. Таким образом, если исследования Кулаковского о христианских катакомбах в Керчи¹⁹ и Латышева – об эпиграфических памятниках²⁰ освещали историю Боспора V–VI вв. в одном аспекте, то археологические и нумизматические данные доставляют новые свидетельства и помогают восстановить историю позднеантичного Боспора в целом.

¹³ Латышев. ПОНТИКА. С. 366.

¹⁴ Кулаковский. Керченская христианская катакомба 491 г. С. 26.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Амброз А.К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. I. М., 1992. С. 71.

¹⁷ Блаватский. Боспорское царство... С. 242–256.

¹⁸ Nestor J. La fin du Monde ancien et les «barbares» // XIII Congrès International des Sciences Historiques. Moscow, 1970. P. 5.

¹⁹ Кулаковский. Керченская христианская катакомба 491 г.; он же. К объяснению надписи с именем императора Юстиниана, найденной на Таманском полуострове // ВВ. 1895. II. С. 189–198.

²⁰ Латышев В.В. Древности Южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892–1894 годах // МАР. 1895. 17. С. 56–61, № 63; он же. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. С. 98–105, № 98.

Итак, выглядевшие привлекательными мнения Кулаковского и Латышева, относивших надпись Дуптуна ко времени Юстина I и Юстиниана I, т.е. к периоду 518–565 гг., казалось, могли бы подтвердить находки на Ильичевском городище в 1975 и 1984–1985 гг. золотых солидов Юстина I и Юстиниана I. Факт находок византийских монет на Таманском и Керченском п-овах совместно с медными монетами Боспора согласуется с мнением И.В. Соколовой об обращении на внутреннем рынке Византийской империи только золотых и медных монет. Это, в свою очередь, может послужить дополнительным аргументом в пользу предположения, высказанного Блаватским в 1964 г., с включением Боспора в число византийских владений при Юстине I, чей племянник и преемник Юстиниан I, соорудивший укрепления в различных частях Боспора, отстроил стены Пантикапея (Proc. de aedif. Just. III. 7.10). Как считал исследователь, отголоском деятельности Юстиниана I является находка в 1891 г. в гор. Керчи серебряного блюда с его изображением²¹ (рис. 2). Но следует отметить, что большинство исследователей датировали это блюдо временем Констанция II (337–361 гг.)²², хотя первые издатели этого произведения искусства И. Стржиговский и Н.В. Покровский отнесли это серебряное блюдо к первым годам правления Юстиниана I – ок. 537 г. н.э.²³

На вогнутой стороне блюда изображен скачущий вправо всадник, сбоку, но впереди коня – Ника с лавровой ветвью в правой и венком в левой руке, позади воин со щитом, на котором изображена христограмма. Давая анализ художественного стиля изображения на этом блюде, Стржиговский отмечал, что подобный образ всадника на скачущем коне и с поверженным неприятелем, как и тип всадника на спокойно выступающем коне, существует в искусстве примерно со времени Феодосия I (ок. 450 г. н.э.)²⁴. Само же блюдо является звеном в цепи семи памятников такого типа, относящихся к тому же времени и хранящихся в Париже, Вене, Женеве, Мадриде, Флоренции и др.²⁵ Стржиговский считал, что монограмма Христа, помещенная на серебряном блюде из Керчи, известна только на Юстиниановой мозаике из Равенны²⁶ и позволяет датировать керченское блюдо 537 годом. Кроме того, он обратил внимание на то, что меч не висит на поясе всадника, как на изображениях императоров на римских памятниках, а помещен на перевязи по византийскому способу, как, например на диптихе Гонория 406 г. в Аосте и на многих памятниках позднейших времен²⁷.

На основе стилистического анализа изображений на этом блюде Покровский датировал его еще более поздним временем – VI–VII вв. Описывая одежду всадника, он указывал, что подобная же известна по изображениям сасанидских царей и по византийским памятникам. Украшенная перлами и золотыми вышивками, она входит в употребление византийских императоров не позднее V в. н.э. Изображению на керченском блюде приданы условность и некоторая тяжеловесность, которые характерны для эпохи первого расцвета византийского искусства. Оно ближе к эпохе Юстиниана, нежели к эпохе Константина Великого (314–337 гг.). Покровский сравнивает его с золотым медальоном Юстиниана I (рис. 3) и приходит к выводу: эту сере-

²¹ Блаватский В.Д. Пантикапей. М., 1964. С. 226. Прим. 108.

²² Мацулевич Л.А. Серебряная чаша из Керчи // Памятники Гос. Эрмитажа Л., 1926. С. 6 сл. Засецкая И.П. О происхождении серебряных чаш с изображением императора Констанция II // Краткие тез. докл. науч. конф. Гос. Эрмитажа. Л., 1989. С. 22–23; Кротошкин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967. С. 76; Delbrück R. Spätantike Kaiserporträts. В. – Lpz, 1935. Taf. 57; Gajdukevič. Op. cit., S. 484. Anm. 58; Искусство Византии в собраниях СССР. Т. I. М., 1977. С. 55. Табл. 34.

²³ Стржиговский И., Покровский Н.В. Древности Южной России. Византийский памятник, найденный в Керчи в 1891 г. // МАР. 1892. 8. С. 7 сл.

²⁴ Там же. С. 8 сл.

²⁵ Там же. С. 9.

²⁶ Там же. С. 14. Табл. III.

²⁷ Там же. С. 22–37; Д. Беляев (Облачение императора на керченском щите // ЖМНП. 1893. 289. Октябрь. С. 322 сл.) полагал, что на блюде может быть изображение Феодосия I (379–395 гг.), но не настаивал на этом, считая, что изображение императора может относиться к IV–VI вв., когда восточноримские императоры, по римскому обычаю, еще брили бороды, а не отпускали их, как это было потом.

Рис. 2. Серебряное блюдо с изображением императора Юстиниана, найденное в Керчи в 1891 г. в склепе, расположенном на территории имения Гордикова (по Дельбрюку). Государственный Эрмитаж

Рис. 3. Золотой медальон-уникум Юстиниана I. Найден в Кесарии Каппадокийской в 1751 г. Утерян

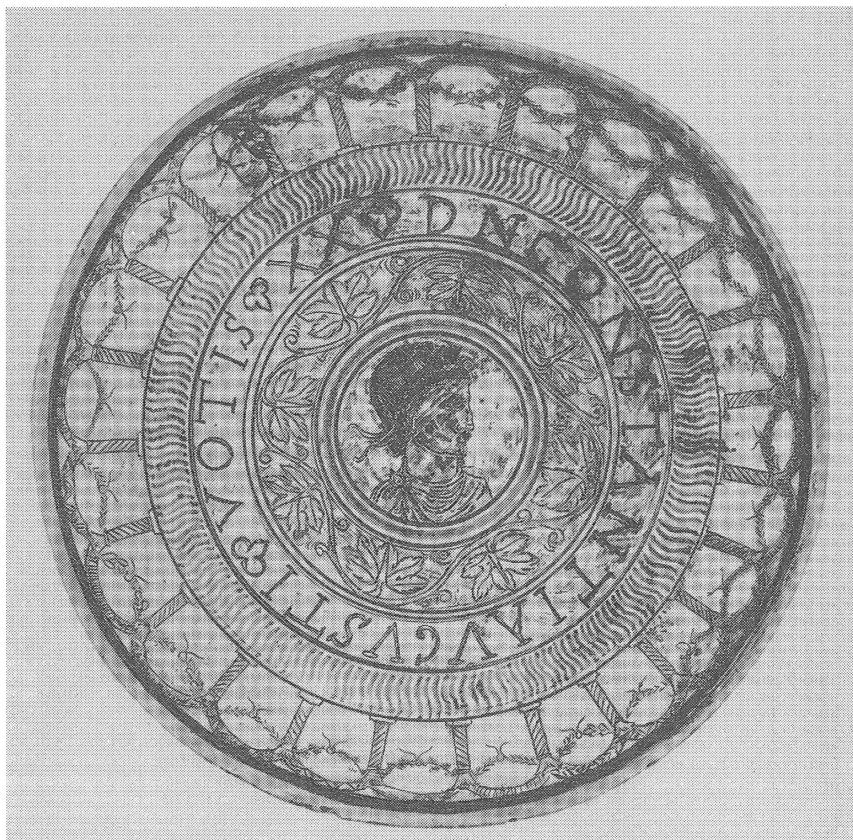

Рис. 4. Серебряное блюдо с изображением Констанция II, найденное в Керчи в склепе в 1904 г. (по Дельбрюку). Государственный Эрмитаж

брюную чашу нельзя отнести ни к IV, ни даже к V веку, но ближе всего она стоит к VI столетию²⁸. Что же касается монограммы Христа на щите, то она не может служить датирующим элементом. Как отметил исследователь, она не употребляется на монетах позже 641 г. Отто Вёттер, исследовавший первые христианские знаки на монетах, утверждал, что эти знаки появились впервые на монетах Константина Великого²⁹. Временем Юстиниана I датировал это блюдо В.В. Шкорпил, руководивший раскопками в Керчи в 1904 г.³⁰

Л.А. Мацулевич сравнивает изображение императора на блюде со всадником с изображениями бюстов императоров на двух серебряных блюдах, где каждое изображение сопровождалось легендой, датирующей блюдо и не оставляющей сомнения в том, что на каждом из них изображен император Константин II (рис. 4, 5). Латинская надпись D(omini) N(ostri) CONSTANTII AVGVSTI VOTIS XX³¹ ПОЗВОЛЯЛА ОТНОСИТЬ ЭТИ СЕРЕБРЯНЫЕ ВЕЩИ К 343 г. н.э.³² Таким образом, Мацулевич считал, что оба серебряных блюда, происходящие из керченских разграбленных погребений – склепа

²⁸ Стржиговский, Покровский. Ук. соч. С. 22–37.

²⁹ Vöter O. Erste Christliche Zeichen auf Römischen Münzen. Wien, 1893. S. 12–17.

³⁰ Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в Керчи в 1904 г. // ИАК. 1907. 25. С. 2 сл.

³¹ Там же. С. 33. Рис. 8.

³² Мацулевич. Ук. соч. С. 6–16.

Рис. 5. Серебряное блюдо с изображением Констанция II, найденное в Керчи в 1904 г. (склеп 154) (по Дельбрюку). Государственный Эрмитаж

1904 г. и № 154³³, как и блюдо с изображением всадника из склепа Гордиковых, датируется временем правления Констанция II.

Доказывая справедливость датировки серебряного блюда со всадником IV в., Мацулевич, во-первых, ссылаясь на то обстоятельство, что склеп Гордиковых, в котором обнаружено блюдо, относится к керченскому некрополю³⁴, датируемому IV–V веками. Но Шкорпил, заслугой которого является определение границ пантикапейского некрополя, указывал, что катакомба 1891 г., где найдено известное серебряное блюдо с изображением императора Юстиниана, расположено недалеко от южного рубежа этого некрополя, а северная граница кладбища проходит по Эспланадной улице³⁵. Таким образом, склеп Гордиковых и катакомба 1891 г., в которой найдено серебряное блюдо, находятся за границей пантикапейского некрополя, определенной Шкорпилем. Следовательно, использованный Мацулевичем метод датировки нельзя признать безупречным. Известно, например, что в одном склепе могут лежать и чернолаковая керамика, и краснолаковая посуда, автономные монеты Пантикапея и

³³ ОАК за 1904 г. СПб., 1907. С. 72, 81. Рис. 110.

³⁴ Мацулевич. Ук. соч. С. 20–22; «[Склеп Гордиковых] входит в состав того же христианского некрополя – некрополя, датируемого найденными в нем предметами IV–V веками нашей эры» (с. 22).

³⁵ Шкорпил. Ук. соч. С. 2.

рядом стеклянные сосуды позднего времени³⁶. Во-вторых, при доказательстве датировки блюда временем Констанция II Мацудевич полагает, что блюдо с изображением победоносного императора-всадника связывается воедино с будто бы сопутствовавшими ему предметами: ложкой, тазиком, венком, бусиной, датируемыми второй половиной IV в. Однако история находки выглядит иначе. Блюдо было обнаружено кладоискателями в январе 1891 г., исследование же склепа Гордиковых, где оно было найдено, проведенное летом того же года председателем Археологической комиссии графом А.А. Бобринским³⁷, не обнаружило на месте захоронения дополнительных вещей. Только со слов кладоискателей, продавших блюдо скупщикам антиквариата известно, что будто бы под блюдом, лежавшим вверх дном, были обнаружены серебряная чаша или тазик (какой формы и с украшениями ли – не определено), серебряная ложка, веночек, сердоликовый шарик. Как отмечает Мацудевич, из дела известно, что первый скупщик приобрел блюдо, а второй взял себе ложку, пряжку (или бусину). Затем ложка и бусина были перекуплены первым скупщиком. Поэтому достоверно не известно, на самом ли деле в склепе Гордиковых вместе с блюдом находились тазик, ложка, бусина и пряжка. Но Мацудевич заключает, что изучаемая чаша входит в состав некоего комплекса³⁸, замечая при этом, что в том же склепе был найден небольшой стеклянный поздний сосуд, уступленный Гордиковым А.А. Бобринскому во время раскопок последнего летом 1891 г. (МАР. 8. Рис. 3). Но так как он был найден на другой лежанке семейного склепа, то, по мнению Мацудевича, сосуд не может быть отнесен к первому комплексу³⁹. Тем не менее ложку из склепа Гордиковых Мацудевич сравнивает с ложками из разграбленного склепа 1904 г., который датируется серединой или второй половиной IV в.⁴⁰ Художественные параллели тазуку из склепа Гордиковых автор находит также в одном из двух разграбленных склепов 1904 г.⁴¹ В этих склепах, разграбленных 24 июня 1904 г., из которых происходит, в частности, серебряная чаша Констанция II и которые относят ко второй половине IV в.–рубежу IV–V вв.⁴², были найдены золотые римские монеты и индикации с них. Он указывает, что хронологическими вехами служат, кроме чаши (344/5 г.) Констанция II, его же золотая монета (337–361 гг.), золотая монета Констанция Галла (351–354 гг.), индикация монеты Савромата II (174–210 гг.), индикация монеты Валентиниана I (364–375 гг.), две индикации с монет Валентиниана II (375–392 вв.)⁴³. Однако в статье И.П. Засецкой, посвященной инвентарю керченских склепов IV–V вв.⁴⁴, склеп Гордикова, в котором имелась серебряная чаша со всадником, естественно, не взят за эталон. Но из монет, происходящих из разграбленных в

³⁶ Там же.

³⁷ Архив Археологической комиссии. Д. № 21/1891.

³⁸ Мацудевич. Ук. соч. С. 17.

³⁹ Там же. Прим. 2. Точно так же Л.А. Мацудевич не принимает во внимание пряжку, которая относится к позднему периоду, как и стеклянный сосуд. Теперь абсолютно ясно, что весь склеп целиком был ограблен в древности, поэтому методически неверно относить стеклянный сосуд к соседней лежанке, т.е. он, как и пряжка, должен приниматься во внимание при датировке блюда.

⁴⁰ Там же. С. 17 (рис. 4), 20.

⁴¹ Там же. С. 19.

⁴² Там же. С. 21.

⁴³ Там же. С. 20.

⁴⁴ Засецкая И.П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. 1979. № 158. С. 5 сл. (отметим, кстати, что на рис. 1 блюда с изображением Констанция II перепутаны: блюдо – рис. 1, 1 – найдено не в склепе 145, а в одном из разграбленных склепов 1904 г. – ср. Шкорпил. Ук. соч. Рис. 8); она же. Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового некрополя (конец IV–начало VI в.) // Археологический сборник ГЭ. Т. 30. Л., 1990. С. 97–106; она же. Материалы боспорского некрополя второй половины IV–первой половины V в. н.э. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (далее – МАИЭТ). Вып. III. Симферополь, 1993. С. 29–30. Автор принимает все выводы Мацудевича, полагая, что чаша со всадником входила в закрытый комплекс, но в каталоге на с. 39 (№ 5) и 99 (№ 5–8) отмечает, что чаша является случайной находкой.

1904 г. склепов; инвентарем которых Мацулевич пользуется как археологическими реперами для чаши со всадником, самая поздняя золотая монета (или индикация с нее) – Валентиниана III (425–455 гг.). Как считает Засецкая⁴⁵, эта монета, вероятно, ошибочно упомянута А.А. Спицыным, который писал⁴⁶, что летом 1904 г. керченские «счастливицы» напали на две нетронутые и весьма богатые катакомбы IV–V вв. на Госпитальной улице. Их время определяется найденными среди вещей золотыми монетами и индикациями с монет императоров Констанция II и Валентиниана III. Нельзя сбрасывать со счетов сведения, считая их ошибочными. Тот факт, что этой поздней монеты Валентиниана III не оказалось в Государственном Эрмитаже среди инвентаря катакомб 1904 г., еще не дает права не принимать ее во внимание. Золотая монета Валентиниана III (или индикация с нее) из одной из катакомб 1904 г. датирует это погребение временем после 455 г., а не рубежом IV–V вв., как думали Мацулевич и Засецкая⁴⁷.

Следовательно, если первый из них считал, что тазик из склепа Гордикова, в котором нашли серебряное блюдо со всадником, идентичен тазуку с горошатым орнаментом из катакомб, разграбленных в 1904 г., то оба они должны быть датированы временем после 455 г. В этом плане нам помогают исследования А.К. Амброза, который отмечал, что находка монеты или индикации с монеты Валентиниана III в одном из керченских склепов с инкрустациями не может удивлять, так как в них были обнаружены две очень разные по выполнению вещи – маленькие двупластинчатые фибулы с инкрустацией россыпью в гнездах и оправа меча с перегородчатой инкрустацией⁴⁸. В Новинском склепе 1890 г. имеется такое же сочетание ранних фибул и вещей более позднего стиля – клуазонне⁴⁹. Следовательно, следуя выводам Амброза, а также исследованиям Стржиговского, Покровского, Шкорпила, Блаватского⁵⁰ и принимая во внимание обстоятельства находки серебряной чаши с изображением всадника-императора, мы имеем право полагать, что на ней представлен император Юстиниан I. Безусловно, это серебряное блюдо являет собой памятник, открывающий европейское средневековое искусство⁵¹.

В научной литературе последнего десятилетия общепринято мнение, что гуннское нашествие не нанесло значительного ущерба Боспору, и он продолжал существовать как позднеантичное государство до 30-х годов VI в. н.э., когда и вошел в состав Византии⁵². Некоторые ученые полагают, что ни в одной из литературных версий не

⁴⁵ Засецкая. Боспорские склепы... С. 11. Прим. 11.

⁴⁶ Спицын А.А. Вещи с инкрустацией из керченских катакомб 1904 г. // ИАК. 1905. 17. С. 115.

⁴⁷ И.П. Засецкая посвятила исследованию чаши еще две статьи: *Zaseckaja I.P. À propos du lieu de fabrication des plats en argent portant la représentation de Constance II et trouvés à Kertch // La noblesse Romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Association Française d'Archéologie Mérovingienne et Musée des Antiquités Nationales. P., 1995. P. 89–93; она же. О месте изготовления серебряных чаш с изображением Констанция II из Керчи // МАИЭТ. 1995. IV. С. 225 сл. В указанных трех своих статьях автор датирует чашу со всадником 357 г., но, касаясь вопроса техники и места изготовления чаши, заключает, что применение позолоты и черни для расцветки фигур становится типичным признаком антиохийской школы VI в. (!), со ссылкой на Мацулевича (ук. соч., с. 58), который первым отнес применение техники позолоты и черни к VI в. Ср. Засецкая // Материалы... С. 32; *eadem. À propos... P. 92; она же. О месте изготовления... С. 231*. В свою очередь, отметим, что датировка VI веком техники позолоты и черни антиохийской школы ювелирного искусства соответствует времени изготовления серебряной чаши с изображением Юстиниана I.*

⁴⁸ Амброз. Ук. соч. С. 60.

⁴⁹ Там же. Табл. I, 11; II, 8.

⁵⁰ *Blavatsky W.D. Les traditions antiques dans l'argenterie byzantine de l'Europe Orientale // Annales Archéologiques Arabes Syriennes. Damas, 1971. V. X, XI. P. 381; Блаватский В.Д. Античные традиции в византийском серебре из Восточной Европы // Античная археология и история. М., 1985. С. 216 сл. Прим. 2–7 (вся основная литература о серебряной чаше с изображением Юстиниана I).*

⁵¹ Мацулевич. Ук. соч. С. 59.

⁵² Болгов. Боспор IV–V вв... С. 13 сл.; *он же. Позднеантичное государство на Боспоре // Материалы научной сессии по итогам научно-исследовательской работы МГПУ им. В.И. Ленина за 1991 г. Сер. соц.-ист. науки. Апрель 1992. С. 90–91.*

говорится о гуннском разгроме в конце IV в. н.э., а приходят гунны на Боспор лишь в середине V в., уже после возвращения из Европы, когда происходит их незначительная инфильтрация в боспорские города⁵³. В связи с этим в 1986 г. А.В. Сазанов предпринял попытку кардинально пересмотреть хронологию материалов из Тиритаки, ранее датированных IV веком н.э. В.Ф. Гайдукевич относил слой пожарища на участке XV Тиритаки к IV–V векам и связывал его с гуннским нашествием⁵⁴. Сазанов же предложил передатировать этот слой на участке XV на основании своих раскопок Тиритаки в 1983–1985 гг. участка XXV, где также был слой пожарища, а керамический материал был идентичен керамике с участка XV. Исследователь стал датировать керамику из слоя пожара не концом IV в, а 520–530-ми годами, связав это с поздними событиями 527 и 534-х годов⁵⁵.

Но при этом не было принято во внимание то, что еще сам В.Ф. Гайдукевич в 1935–1940 гг. отмечал открытие на участке XV раннесредневекового здания, ориентировка которого почти полностью совпадает с планировкой раннесредневековых домов участка X⁵⁶. Но тем не менее начиная с 1986 г. Сазанов не раз подчеркивал, что рассмотрение позднеантичных слоев городов Боспора по 24 признакам (амфоры, красный лак, стекло) позволяет передатировать слой так называемого гуннского разгрома: не концом IV в., а второй четвертью VI в. (Тиритака, Батарейки I и II, Патрей, Гермонасса, Кепы, Фанагория, Пантикапей, Китей и др.), а в одном случае – третьей четвертью VI в. (Ильичевка). Общий недостаток своих предшественников исследователь видит в их ошибочной, с его точки зрения, хронологии, в их некритическом отношении к комплексам, раскопанным в 1940–1950 гг., без анализа материала⁵⁷. Как он считает, все исследователи позднеантичного Боспора ссылаются на работы А.Л. Якобсона⁵⁸, который, в свою очередь, согласно Сазанову, опирается на статью Н.И. Сокольского об Ильичевском городище⁵⁹. В совместной работе 1989 г. А.В. Сазанов и Ю.Ф. Иващенко полагали, что «даты, предложенные В.Ф. Гайдукевичем, позже произвольно были распространены на другие памятники: Пантикапей, Фанагорию, Гермонассу, Ильичевку, Кепы, а после выхода в свет книги И.Б. Зеест и статьи Н.И. Сокольского эти даты стали общепринятыми»⁶⁰. Но первичной, по их мнению, в конечном счете должна быть дата позднеантичных слоев Тиритаки. Они приписывают Гайдукевичу несуществующее утверждение о том, что нет оснований говорить о непрерывности жизни города с конца IV в.⁶¹.

Однако в книге Гайдукевича «Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг.» на с. 108 читаем: «Верхний слой на участке XV – средневековый (VIII–IX века). Заканчивается на глубине 1 м – 1, 40. Ниже идут культурные отложения, образующие слой II... Принадлежит он позднеантичному периоду: III–IV вв. и началу раннего средневековья»

⁵³ Сазанов А.В. Боспор и гунны // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Махачкала, 1988.

⁵⁴ Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. С. 133: «Опустошение города Тиритака относится к 70 г. IV в. в связи с вторжением гуннов, а также гунного разгрома».

⁵⁵ Сазанов А.В. Боспор в ранневизантийское время // Хозяйство и культура доклассовых обществ. Тез. докл. III конф. молодых ученых ИА АН СССР. М., 1986. С. 128; Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. Исследование Тиритаки в 1983–1984 гг. и проблема истории позднеантичного Боспора // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. Всесоюзной конф. Суздаль, 1987. М., 1987. С. 223; они же. К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. 1989. № 1. С. 84–85; Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4. С. 41 сл.; Романчук А.И., Сазанов А.В. Средневековый Херсон. Ч. 1. Свердловск, 1991. С. 12.

⁵⁶ Гайдукевич. Раскопки Тиритаки... С. 127.

⁵⁷ Сазанов А.В. Амфоры ранневизантийского Боспора (К хронологии некоторых типов) // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тез. докл. конф. Киев, 1987. С. 141 сл.; он же. О хронологии... С. 41–50.

⁵⁸ Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврии. Л., 1979. С. 12 сл.

⁵⁹ Сокольский Н.И. Ильичевское городище // СА. 1966. № 4.

⁶⁰ Сазанов, Иващенко. К вопросу о датировках... С. 84.

⁶¹ Там же. С. 85.

(V в.). В слое заключены остатки большого дома-усадыбы... Гибель дома тесно связана с общим разрушением всего города во второй половине IV в. н.э. в результате нашествия гуннов». Игнорируя эти выводы Гайдукевича, Сазанов и Иващенко приходят к заключению: «Таким образом, тот слой, который В.Ф. Гайдукевич датировал III–IV веками, следует передатировать концом IV – началом V – второй четвертью VI в. Гибель города произошла где-то во второй четверти VI в.»⁶². Наконец, авторы вскользь упоминают немецкое издание книги Гайдукевича 1971 г., куда, как известно, исследователь вставил целую главу об истории Боспора V–VI вв.⁶³, а на с. 500 указал, что в Тиритаке была найдена амфора V–VI вв. (рис. 147), отмечая при этом, что ранее, в 1940 г. он относил ее к IV в. Равным образом сам археолог передатировал красноглиняные миски с крестом на дне, найденные в Тиритаке в 1939–1940 гг.⁶⁴, и расписной кувшин V в.⁶⁵ Заметим, что точно такой же сосуд опубликовал Блаватский с подписью под рисунком «Раннесредневековый расписной сосуд»⁶⁶, происходивший из Малой Азии⁶⁷. Здесь же Гайдукевич упоминает стеклянные сосуды V–VI вв. с христианской эмблемой из Египта и Сирии⁶⁸ и из Керчи⁶⁹.

В.Ф. Гайдукевич обратил внимание на находку двух кладов монет на территории Тиритаки, состав которых указывает на два острых момента в истории города. Клад монет 1937 г. состоял из 2093 статеров Боспора и охватывал период с 234 по 276 г.⁷⁰, т.е. время правления Ининфимея (2 экз. – 234 г. и 1 экз. – 238 г.) и Рескупорида V (242–276 гг.), но монеты с 239 по 241 г. в нем отсутствовали. Этот клад В.Ф. Гайдукевич, как и все другие исследователи, связывал с эпохой готских походов⁷¹.

Второй клад монет был найден в Тиритаке в 1946 г. Он состоял из 227 относящихся к 276–341 гг. монет и был ранее датирован 276–332 гг.⁷². Однако присутствие в нем монет Рескупорида VI (638 г. б.э. = 341 г. и 639 г. б.э. = 342 г. н.э. – плох. сохр.), даты которых были приняты издателями за ошибки резчика и потому отнесены к 628 г. б.э. = 331 г. н.э. и 612 г. б.э. = 313 г. н.э.⁷³, дали возможность передатировать клад временем 276–341/342 гг. н.э. Скрытие этого клада Гайдукевич совершенно справедливо связывал с событиями времен гуннских нашествий⁷⁴. Следует отметить появляющиеся в последнее время в печати мнения, что нашествие гуннов никак не отразилось на судьбах боспорских городов⁷⁵, а на поселениях Крыма отсутствуют следы гуннского разгрома в слоях IV в., анализ же письменных источников показывает, что Боспор избежал гуннского нашествия в конце IV в.⁷⁶ Таким образом, в

⁶² Там же. С. 99.

⁶³ *Gajdukevič*. Op. cit. S. 497–519.

⁶⁴ *Ibid.* S. 501. Abb. 148 (ср. МИА. 25. С. 42. Рис. 40).

⁶⁵ *Ibid.* Abb. 149.

⁶⁶ *Блаватский*. Пантикапей. С. 225. Рис. 77.

⁶⁷ *Gajdukevič*. Op. cit. S. 502. Anm. 21. .

⁶⁸ *Ibid.* S. 502. Abb. 150.

⁶⁹ Стеклянный сосуд из Керчи IV–V вв. (*ibid.* S. 213), другой – VI в. и фрагменты пиксиды из слоновой кости с христианскими сценами (S. 214). Последние вместе с двумя стеклянными сосудами с христианскими символами V–VI вв. исследовал Д.В. Айналов (Три древнехристианских сосуда // ЗРАО. 1891. V. Вып. 1–2. Нов. сер. С. 201–214. Табл. I–III).

⁷⁰ *Зограф А.Н.* Тиритакский клад // КСИИМК. 1940. VI. С. 58 сл.; *Брабич В.М.* Боспорский клад статеров III в. н.э. из Тиритаки // ГЭ. IX. Нумизматика. 3. 1967. С. 3–28.

⁷¹ *Фролова Н.А.* Вторжение варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // СА. 1989. № 5. С. 199–202; *Лавров В.В.* Готы и Боспор в III в. н.э. // Античный полис. Проблемы социально-политической организации и идеологии общества. СПб., 1995. С. 112–122.

⁷² *Харко Л.П.* Тиритакский монетный клад 1946 г. // ВДИ. 1949. № 2. С. 73–86.

⁷³ Там же. № 195 и № 48.

⁷⁴ *Гайдукевич*. Раскопки Тиритаки... С. 108 сл.; *Фролова*. Вторжение... С. 199–202.

⁷⁵ *Сазанов*. Боспор и гунны.

⁷⁶ *Он же*. Боспор в ранневизантийское время... С. 127 сл.; *он же*. Амфоры... С. 142– автор утверждает, что следы гуннского разгрома городов Боспора в конце IV в. н.э. отсутствуют; *Болгов*. Позднеантичное государство... С. 91; *Молев, Сазанов*. Ук. соч. С. 70.

настоящее время принято считать роль гуннов в общем историческом процессе на Боспоре явно преувеличенной, как и силу разрушений, причиненных их нашествием. Никаких следов гуннского разгрома нет ни в Гермонассе, ни в Пантикапее, ни в Фанагории, ни в Тиритаке, ни в Тиритаке⁷⁷. Что же касается Фанагории, то недавние исследования краснолаковой керамики из раскопок города дали возможность зафиксировать слой пожара. Уголь из слоя, взятый на анализ С14, дал дату от 250 до 390 г.⁷⁸ Но все исследователи истории Боспора, поддерживающие эту теорию, упускают из вида тот факт, что на Боспоре никогда более не была возобновлена чеканка. Статеры Рескупорида VI последнего года чеканки относятся к 638/639 б.э. = 341/342 н.э. Они встречены в пяти кладках: из Тиритаки – 1946 г.⁷⁹, Кеп – 1962 г.⁸⁰, с Шум-речки (Анапский р-н) 1972 г.⁸¹, в Гайкодзорском кладе – 1977 г.⁸² и в Керченском – 1995 г.⁸³ Эти кладки, куда входят монеты 638 г. б.э., последнего года боспорской чеканки – живые свидетельства гуннского разрушения городов и поселений Боспора в середине IV в. н.э., и не считаются со сведениями этих исторических данных невозможно.

Выше отмечалось, что боспорские монеты обращались в течение длительного времени, так как кладки боспорских монет указывают на период более 300 лет. Ярким примером такого же длительного использования массового материала на Боспоре в течение IV – первой половины VI в. в период перехода от позднеантичного к ранне-средневековому времени дает керамика. А.В. Сазанову принадлежит заслуга сведения в системную таблицу амфорного материала с указанием времени первого появления данной формы амфоры в культурном слое городов Северного Причерноморья⁸⁴. Однако не будет лишним отметить, какие же формы амфор перешли из античности в раннее средневековье. Итак, массовый материал – амфоры, краснолаковую керамику и стеклянные сосуды Сазанов распределил по 24 признакам, из которых для нас важны: *Признак 1* (Сазанов. СА. 1989. № 4; рис. 1, 1) – по Сазанову амфора с Батарейки 2. А.Л. Якобсон считал, что эта форма античного происхождения⁸⁵ (рис. 6, 1). *Признак 3* (Сазанов. СА. 1989. № 4; рис. 1, 3). Амфоры этого типа известны в Тиритаке. А.Л. Якобсон генетически связывал их с амфорами III в. н.э.⁸⁶ (рис. 6, 2). *Признак 4* (Сазанов. СА. 1989. № 4; рис. 1, 4). Амфоры из Танаиса, Батарейки 2, Фанагории – Сазанов отмечает, что, появившись в IV в., они существовали в V и начале VI в. н.э.⁸⁷ (рис. 6, 3). *Признак 5* (Сазанов. СА. 1989. № 4; рис. 1, 5). А.Л. Якобсон относил их к периоду от IV–V до VII в. н.э.⁸⁸ Эти амфоры найдены в Тиритаке, но Сазанов считает, что В.Ф. Гайдукевич, а вслед за ним И.Т. Кругликова ошибочно датируют эту форму IV в. н.э. (рис. 6, 4). *Признак 7* (Сазанов. СА. 1989. № 4; рис. 1, 7). Д.Б. Шелов датировал этот тип концом III–IV в. н.э. Сазанов считает, что развитие

⁷⁷ Николаева Э.Я. Боспор после гуннского нашествия: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1984. С. 19.

⁷⁸ А.Г. Атавин (Краснолаковая керамика IV–VI вв. н.э. из Фанагории // Боспорский сборник. 2. М., 1993. С. 167) связывает тонкий слой пожара с «нашествием гуннов или какими-то внутренними событиями на Боспоре, вызванными нашествием».

⁷⁹ Харко. Ук. соч.; Фролова Н.А. О времени правления боспорских царей Радамсада и Рискупорида VI. СА. 1975. № 4. С. 52–53.

⁸⁰ Голенко К.В., Сокольский Н.И. Клад 1962 г. из Кеп // НЭ. 1968. VII. С. 72; в кладе было семь статеров 638 г. б.э. = 341 г. н.э.; см. Фролова. О времени правления... С. 52–55.

⁸¹ Салов А.И. Клад III–IV вв. н.э. с Шум-речки (Анапский р-н) // СА. 1975. № 3. С. 172; но в кладе был 1 экз. 638 г. б.э. = 341 г. н.э.

⁸² Фролова. Вторжение... С. 199. № 15.

⁸³ Клад не издан. Готовится к печати Н.А. Фроловой, А.В. Куликовым, Т.Н. Смекаловой.

⁸⁴ Сазанов. О хронологии... С. 41–60.

⁸⁵ Там же. С. 41. Рис. 1, 1; прим. 3. К. Скорпан, как отмечает Сазанов, считал, что амфоры этой формы производились со II по VI в. н.э.

⁸⁶ Там же. С. 43, рис. 1, 3; прим. 2; Якобсон. Керамика... С. 16.

⁸⁷ Сазанов. О хронологии... С. 43. Прим. 13.

⁸⁸ Там же. С. 44. Прим. 2, 5.

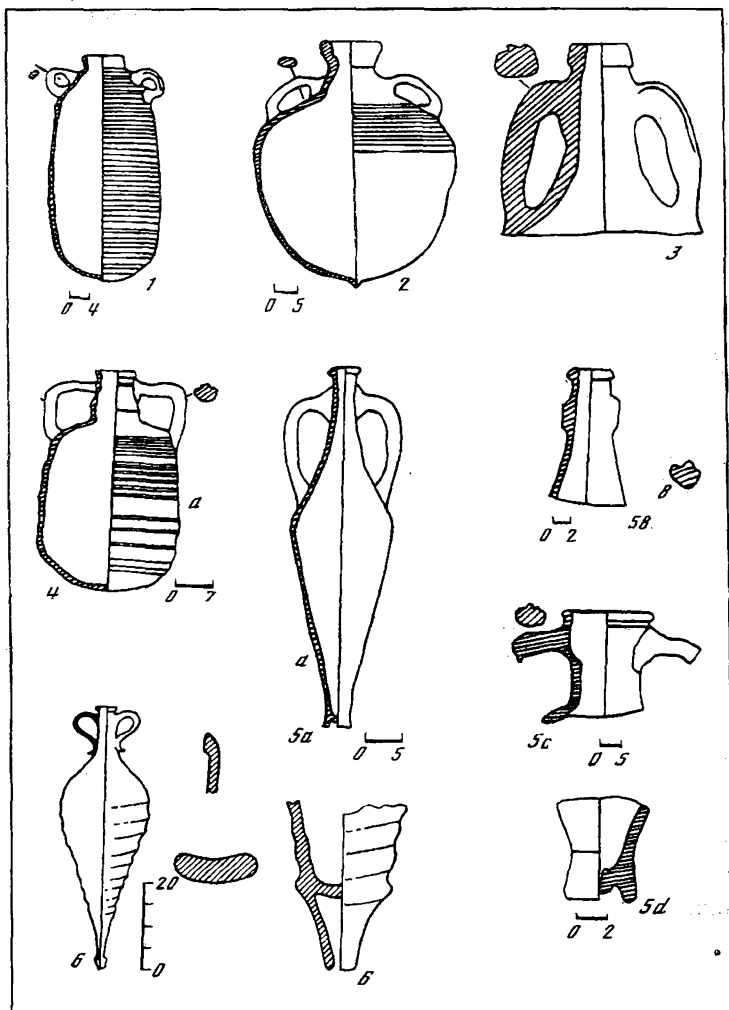

Рис. 6. Формы керамики, бытовавшие на Боспоре с III по VI век н.э.: 1 – коричневоглиняная амфора сиро-палестинского производства; 2 – амфора с воронкообразным горлом. Тиритака, III–VI вв. н.э.; 3 – узкогорлые светлоглиняные амфоры типа Е. Танаис, IV–начало VI в. н.э.; 4 – светлоглиняные амфоры с рифлением типа «набегающей волны»; 5а – Батарейка 1, 5б – Пантикапей, 5с – Фанагория, 5d – Тиритака. III–V вв. н.э.; 6 – тонкостенные красноглиняные амфоры типа инкерманской. Тиритака – IV–VI вв. н.э.

этих амфор приходится на IV – начало V в. н.э.⁸⁹ (рис. 6, 5). Признак 8 (Сазанов. СА. 1989. № 4; рис. 2, 8). Эти амфоры были известны И.Б. Зеест (тип № 95)⁹⁰, которая датировала их IV в. н.э. Сазанов приводит ссылки на Г. Кузманова и А.Л. Якобсона, Дж. Рили⁹¹, К. Скорпана, датировавших этот тип IV–VI вв. (рис. 6, 6). Признак 9 (Сазанов. СА. 1989. № 4; рис. 2, 9) датируется концом IV–VI в. н.э.⁹² (рис. 7, 1). Признак 12 (Сазанов. СА. 1989. № 4; рис. 3, 12) – тип № 100 по И.Б. Зеест. Ряд

⁸⁹ Там же. С. 45. Прим. 13, 28.

⁹⁰ Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора. М., 1960. С. 174. № 95.

⁹¹ Сазанов. О хронологии... С. 45. Прим. 2, 3, 5.

⁹² Там же. С. 47.

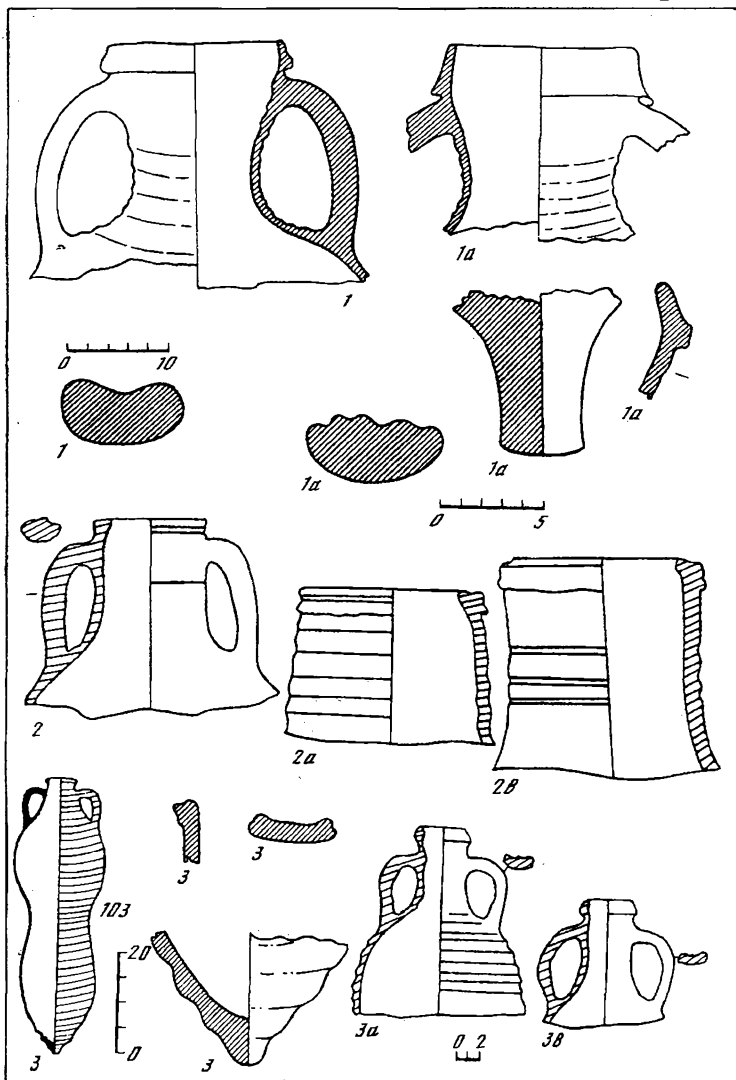

Рис. 7. Формы, бытовавшие на Боспоре с IV по VII в. н.э. 1 – тонкостенные, массивные красноглиняные амфоры (Зеест, 96): 1 – Пантикапей; Зеест-96: 1а – Фанагория; время бытования IV–VI вв. н.э.; 2 – красноглиняные амфоры типа Делакеу. Найдены: 2 – Зенонов Херсонес; 2а, 2б – Тиритака. Время бытования IV–VI вв. н.э.; 3 – коричневоглиняные амфоры типа Тиритакской: 3 – тип Зеест 103; 3а – тип Сазанов. СА. 1989. № 4, № 14; 3б – Тиритака, Зенонов Херсонес. Время бытования – IV–VII вв. н.э.

авторов датируют этот тип Делакеу IV–VI веками н.э. (рис. 7, 2). Признак 13 (Сазанов. СА. 1989. № 4; рис. 4, 13 – тип; Зеест, табл. XL, 103). Сазанов датирует этот тип концом IV–VII в. н.э. (рис. 7, 3).

Таким образом, из всех распределенных по 13 признакам амфор 9 признаков характеризующих определенные амфорные типы, найденные в городах Северного Причерноморья, бытовали в течение 300 лет – с IV по VI в. н.э., а иногда и в VII в. Следовательно, типы амфор, засвидетельствованные в IV в. и продолжающие существовать в следующие два столетия, – один из показателей континуитета на Боспоре позднеантичной и средневековой эпох. Это отмеченное нами явление находит под-

тверждение в исследованиях отечественных и зарубежных исследователей керамического материала.

Так, обратим особое внимание на выводы Г. Кузманова⁹³, который заключает, что из 22 типов амфор IV–VI вв. к IV в. относятся восемь типов, причем типы I и VIII найдены в Мирмекии и Тиритаке. Семь типов амфор относятся к V в., но только один тип (XI) происходит из Тиритаки⁹⁴. Г. Кузмановым не зафиксировано ни одного найденного на Боспоре типа амфор среди семи типов, датируемых им VI веком. Следовательно, используя типологию Г. Кузманова, можно говорить только об одном типе амфор (VI) из Тиритаки (рис. 2, 1), что, собственно, и было отмечено самим Гайдукевичем в немецком издании его книги. Тем не менее Сазанов считает, что предложенные им принципиальные передатировки типов амфор, выделенных И.Б. Зест (№ 95–97, 98–6, 99), с III–IV веков на V–VI века позволяют отрицать принятую всеми схему развития ранневизантийских амфор, а также отвергать тезис о неизменном существовании одних и тех же типов амфор на протяжении 300 лет, который защищают Кузманов, Романчук, Чангова⁹⁵.

В недавно опубликованной статье А.П. Абрамова амфорный материал из закрытых комплексов поделен на семь хронологических периодов⁹⁶; седьмой период включает амфоры второй половины III – первой половины V в.⁹⁷ Автор отмечает, что в последние годы вышла серия работ, посвященных публикации и анализу позднеантичных и раннесредневековых комплексов Боспора (Сазанов, Иващенко, 1989; Сазанов, 1989; Молев, Сазанов, 1991). В связи с возникшей дискуссией он обращает внимание на ряд принципиальных моментов, самым важным из которых является то обстоятельство, что для многих типов амфор предлагается широкая хронология от IV до VII в. н.э.⁹⁸ А.П. Абрамов предлагает выделить характерные отличия комплексов IV в. от комплексов VI в. н.э., как это сделал Сокольский в 1966 г.⁹⁹ Главный же его вывод заслуживает особого внимания: «Ни одна из предлагаемых ныне дат (вторая четверть VI в. н.э. [Сазанов, 1989] или середина VII в. н.э. [Баранов, 1990. С. 26]) не представляется бесспорной»¹⁰⁰. Вывод Абрамова открывает широкие возможности для дальнейшего уточнения датировок типов позднебоспорских и раннесредневековых амфор. Но если подойти к широкой датировке амфор IV–VI веками с точки зрения теории континуитета, то, возможно, эта широкая хронология большинства позднеантичных амфор и есть характерная черта континуитета античности раннего средневековья, когда одни и те же формы существуют и переходят из одного века в другой. Именно на эту особенность позднеантичных типов амфор указывал Г. Кузманов.

А.В. Сазановым были исследованы и формы краснолаковой керамики. Он выделил семь типов форм краснолаковой посуды IV–VI вв.¹⁰¹ Четыре типа из семи (типы 14, 16, 18, 21) берут начало в IV в. н.э. и доживают до VI в. н.э. Этот факт также может послужить доказательством тесной связи эпохи поздней античности и раннего средневековья. Прекрасно иллюстрируют этот тезис результаты исследования типов краснолаковой керамики из раскопок Фанагории А.Г. Атавиным¹⁰², который, используя современную литературу, выделил и продатировал 19 типов найденной в Фанагории

⁹³ Кузманов Г. Типология и хронология на ранневизантийские амфоры // Археология. София, 1973. Кн. I. С. 16, рис. 1; он же. Ранневизантийская керамика от Тракия и Дакция (IV – начало VII в.) // Раскопки и проучвания. Кн. III. София, 1985. Табл. 33 (хронология типов амфор I–XII).

⁹⁴ Он же. Ранневизантийская керамика... Прим. 58 (со ссылкой на кн. Гайдукевича «Раскопки Тиритаки...» С. 120. Рис. 129, 1).

⁹⁵ Там же. С. 142.

⁹⁶ Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. 3. М., 1993. С. 4 сл.

⁹⁷ Там же. С. 8.

⁹⁸ Там же. С. 9.

⁹⁹ Сокольский Н.И. Отчет о работах Таманской экспедиции Ин-та археологии АН СССР. Архив РАН. Р-1. № 3262. С. 65.

¹⁰⁰ Абрамов. Античные амфоры... С. 9.

¹⁰¹ Сазанов. О хронологии... С. 51–55.

¹⁰² Атавин. Краснолаковая керамика... С. 149 сл.

краснолаковой керамики, из которых 8 берут свое начало в основном в III в. и существуют до начала V в. А.Г. Атавин классифицировал и выделил по признакам ранние типы III–IV вв. (типы 1–8) и отдельно дал типы V (типы 9–15)¹⁰³ и VI веков (типы 16–19)¹⁰⁴.

Таким образом, и в типах краснолаковой керамики идея античного континуитета прослеживается так же четко, как и в другом массовом археологическом материале.

А.В. Сазанов пересмотрел и датировки стеклянных сосудов¹⁰⁵, данные Н.П. Сорокиной в 1963 г.¹⁰⁶ Однако, обращаясь к теме бытования стекла на Боспоре, мы предпочитаем все же воспользоваться выводами этой исследовательницы, как нельзя лучше подходящими и завершающими тему континуитета: «Хронологические рамки позднеантичной группы стекла не совпадают с принятой в исторической науке датой конца античной эпохи для городов Северного Причерноморья, которую обычно относят к IV в. Форма многих сосудов, связанных с античным периодом, не исчезла в IV в., а продолжала существовать и в V в. Формы некоторых сосудов бытовали значительно позднее».

THE PROBLEM OF CONTINUITY IN THE LATE ANCIENT BOSPORUS IN THE LIGHT OF NUMISMATIC DATA

N.A. Frolova

In 1985–1986 during the excavations of the Ilyichevsk fortified town (the Taman Peninsula) the archaeologists found copper staters of Bosporan kings Thothorses (596 of the era of Bosporus = 302 A.D.), Rhescuporis VI (619 the era of Bosporus = 323 A.D.) together with gold solidi of Byzantine emperors Justinus I (518–527) and Justinianus I (527–565). In 1975 a hoard of copper staters of Rhescuporis V (240–268), Thothorses (285–308), Rhadamsades (309–322) and Rhescuporis VI (314–341) and five gold coins of Justinianus I (527–565) was discovered. Gold and copper coins of Justinianus I were found on the European shore of the Bosporus in Kerch and Kitey (V.V. Kropotkin, 1962, No 9. 223–gold, 203, 206–copper; Ye.A. Molev 1990. P. 115. Fig. 2). Thus numismatic data testify to the fact that coins of the Bosporan kings (240–323) circulating on the territory of the Bosporus for over 300 years serve as an example of unity and continuity of the Late ancient and Early mediaeval material culture of the Bosporus. Proceeding from the assumption of unity and connection of the material culture of the Bosporus and the Mediterranean in the IVth–VIth c. an analysis of amphora and red-glazed material was carried out (A.V. Sazanov, A.A. Maslennikov, 1967; A.V. Sazanov, 1989; Ye.A. Molev, A.V. Sazanov, 1991). As a result of the analysis doubts were expressed about the traditional dating of the ceramic material and on this basis attempts were made to reconstruct the history of the Bosporan cities of the IV–VIth c. changing the dates of their destruction.

But having used the newly obtained results of the analysis of amphora material (A.G. Abramov, 1993), red-glazed pottery (A.G. Atavin, 1993) and glass vessels (N.P. Sorokina, 1988, 1995) we come to the conclusion that the archaeological material testifies to the existence of the same types of amphorae, red-glazed pottery and glass vessels for over 300 years. Consequently the archaeological material, belonging to the IIIrd–IVth c. A.D. and continuing to exist in the subsequent two hundred years is one of the indications of continuity of the Late Ancient and Early Mediaeval Bosporus.

This statement is born out by research of foreign scholars (K. Scorpan, G. Kuzmanov).

Thus a comprehensive study of numismatic, archaeological and especially epigraphic data make it possible to restore the history of the Late Ancient Bosporus.

¹⁰³ Там же. С. 155–159. Рис. 3, 4; 4, 1–7; 14, 8.

¹⁰⁴ Там же. С. 159, 161. Рис. 5; 6, 1–8.

¹⁰⁵ Сазанов. О хронологии... С. 55–56.

¹⁰⁶ Сорокина Н.П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. С. 160. В тексте статьи подробно анализируются все формы стекла, указывающие на связи позднеантичного стиля с раннесредневековым (с. 136); Sorokina N.P. Antike Überlieferung in der mittelalterlichen Glaserzeugung // La formation et le développement des métiers au moyen age (V–XIV siècles) // Colloque Internationale. Budapest, 1973. Budapest, 1977. S. 95–99. Taf. II–V; eadem. Ancient Glass: Studies by Scholars from Russian and the Sovereign States of the Caucasus // Ancient Civilizations. V. 2. Pt. 1. 1995. P. 62–70.